

На одной стороне переулка Фужун воздух был наполнен сладким ароматом, окутывающим прохожих облаком. А на другой стороне царила полная неразбериха — крики, ругательства, прыгали собаки и хлопали крыльями куры*.

(ПП: идиома, означает беспорядок и суету)

Толпа любопытных, узнав о случившемся, спешила передать новость:

- Старший сын семьи Цинь и старший сын семьи Вэй пришли разбираться с семьей Гао! Более того, они даже пригласили ли-лао!

В государстве Даюн каждые сто дворов составляли одну «ли». Главой ли был «ли-чжан», отвечавший за ежегодную смену обязанностей, сбор налогов и выполнение государственных поручений. Кроме того, в каждой ли выбирали одного «ли-лао» — старейшину с безупречной репутацией, чьей задачей было наставлять жителей на путь добродетели и урегулировать споры.

Если простолюдin хотел подать жалобу, он должен был сначала обратиться к ли-лао. Если ли-лао не мог вынести решение, только тогда дело переходило к окружному чиновнику. В противном случае это считалось «обходом правил» и наказывалось побоями.

Поэтому для простых людей просьба к старейшине вмешаться означала дело, уступающее по важности разве что подаче прошения в уездный суд. А в этот раз тот факт, что старейшина согласился участвовать в разрешении спора между тремя семьями, свидетельствовал, что дело он счел достаточно серьезным, чтобы самому выйти из дома.

Собравшиеся вокруг жители дружно зашептались, вспоминая, что уже давно подозревали:

- Этот Цинь Ся совсем не простак.

Его супруг, купленный за несколько лян серебра, пробыл в доме всего несколько дней, а Цинь Ся уже носился с ним как с зеницей ока. И разве могло быть иначе?

- Похоже, на этот раз Люй-гер из семьи Гао нарвался на серьезного соперника.

Когда в ситуацию вмешался ли-лао, у Люй-гера уже не осталось возможности спрятаться, как черепаха в панцире. Хозяин дома Гао с мрачным лицом открыл дверь и буквально вытолкнул своего супруга из комнаты:

- Это ты заварил кашу, ты же ее и расхлебывай!

Люй-гер с лицом, напоминающим высохшую дыню, встал перед всеми, поникнув головой и

опустив плечи, от его прежней напыщенности не осталось и следа.

Ли-лао велел Цинь Ся и Вэй Чао еще раз подробно рассказать о случившемся с Юй Цзюэцюэ и Цао Ашуан. Подавленные женщины из семьи Гао, не выдержав давления, тут же признали, что все, сказанное ранее, правда. Вчера именно Люй-гер первым начал провокацию. В ответ на это Цао Ашуан резко ответила ему, и тогда уже Юй Цзюэцюэ пустил в ход палку.

- Но никого не ранили! Только... только разбили один таз для стирки.

После этих слов одна из женщин поспешно отошла в сторону, сгорбившись от страха. Сегодняшний случай надолго ей запомнится — теперь она не осмелится поддерживать Люй-гера даже под угрозой.

Однако главной причиной, по которой старейшина согласился вмешаться, стало одно слово — «репутация». Для девушек и геров честь дороже жизни. Такие, как Люй-гер, чьи слова скрывают колючки, а язык не знает удержу, легко могут очернить чью-то репутацию. А в семьях, где строгие порядки и горячий нрав, подобные обвинения могли бы закончиться трагедией. Кроме того, обморок Юй Цзюэцюэ и слезы Цао Ашуан остались в памяти всех соседей переулка.

Цинь Ся схватил за руку Вэй Чао и, несмотря на то, что оба прекрасно знали: пострадавшие уже в порядке, все же нарочно приукрасил ситуацию, чтобы представить дело в еще более драматичном свете.

Факты были очевидны, и старейшина, поглаживая бороду, утвердительно кивнул.

- Виноват во всем Люй-гер из семьи Гао.

После этого он обратился к Цинь Ся и Вэй Чао с вопросом, какой компенсации они требуют. Старейшина предполагал, что дело ограничится возмещением расходов на лекарства и врачей для семьи Цинь, а также одной-двумя курицами в качестве утешения для Цао Ашуан. Но неожиданно Цинь Ся изложил свою просьбу детально и с ясной логикой, добавив еще одну статью — компенсацию за «упущенный заработок».

Рядом с толпой стоял маленький мальчик, которого привели поглазеть на происходящее. Не понимая услышанного, он с детской непосредственностью спросил у матери:

- Мама, а что такое «заработок на сколопендре*»?

(ПП: слова □ □ «пропуск» и □□ «сколопендра» звучат похоже)

Женщина в панике зажала сыну рот, чтобы тот не наговорил еще чего.

Ребенок не понял сути, а вот старейшина понял прекрасно. Цинь Ся намекал, что из-за того, что Юй Цзюэцюэ заболел от «оскорблений» Люй-гера, они с Вэй Чао не смогли выйти на рынок, где обычно торговали, и теперь лишились дневного дохода.

Старейшина слегка кивнул:

- В таком случае, это соответствует прецеденту, хотя и под другим названием.

Только теперь он узнал, что после женитьбы Цинь Ся действительно взялся за ум и теперь торгует едой на улице Любао. В глазах старейшины один из «трудных» жителей переулка Фужун теперь изменился к лучшему и встал на правильный путь. А вот Люй-гер, напротив, с возрастом становился все более неразумным.

Баланс весов в душе старейшины явно склонялся в пользу Цинь Ся. Чтобы все присутствующие остались довольны решением, старейшина привел пример из прошлого.

Однажды два крестьянина столкнулись тележками в переулке, из-за чего началась ссора. Один из них пустил в ход кулаки и серьезно ранил другого. Пострадавший провел пять-шесть дней дома, не в состоянии работать, в то время как его дети дома кричали от голода. Тогда старейшина постановил, что виновный должен компенсировать пять дней утраченного заработка.

- В вашем случае все аналогично. Так что подсчитайте общую сумму компенсации, выплатите ее, и разойдитесь по домам. Не стоит толпиться здесь.

Старейшина вынес окончательное решение. Супруги из семьи Гао выглядели как побитые морозом баклажаны - поблекшие и поникшие. Перед решением старейшины никто не осмеливался возражать. Любое несогласие означало прямой путь в уездный суд.

Обычным людям страшнее всего было столкнуться с властями, и семья Гао не была исключением.

В конце концов, старейшина определил сумму компенсации: семья Гао должна выплатить семье Цинь семь цяней за лечение и лекарства, три цян за «упущенный заработок», всего — один лян. Кроме того, семье Вэй следовало передать одну старую курицу.

Старик Гао метнул злой взгляд на своего супруга, Люй-гера, и, скрепя сердце, отдал деньги. Затем он отправил сына во двор ловить курицу. Эта старая курица могла бы принести на рынке 150–160 вэней, так что семья Гао из-за длинного языка Люй-гера потеряла больше одного ляна.

Когда дверь дома семьи Гао закрылась, там, несомненно, началась бурная ссора, но это уже никак не касалось Цинь Ся.

Попрощавшись со старейшиной вежливыми поклонами, Цинь Ся и Вэй Чао отправились домой: один с деньгами в кармане, другой — с курицей в руке. На душе у обоих было легко.

По дороге отношения между Вэй Чао и Цинь Ся заметно потеплели.

- Ты всегда находишь выход! Вернись домой, скажу матери приготовить из этой курицы суп, и обязательно отнесу чашку для брата А-Цзю, чтобы тот восстановил силы.

Для Вэй Чао компенсация в виде денег была вполне заслуженной — семья Цинь потратила их на лечение и пропустила рабочий день. А курица, по мнению Вэй Чао, была скорее приятным бонусом, чем необходимой компенсацией.

Он прекрасно знал свою жену. Она поплачет, сотрет слезы и вечером забудет все, как будто ничего и не было. Однако несправедливость ее все же задела, и видеть, как Люй-гер наконец получил по заслугам, было для Вэй Чао особенным удовольствием.

Когда-то Вэй Чао не слишком жаловал Цинь Ся, считая его ленивым бездельником. Но теперь ему пришлось признать, что у этого парня действительно голова работает!

Цинь Ся взглянул на курицу, у которой были аккуратно связаны крылья, и с легкой улыбкой сказал:

- Старший брат Вэй, не стоит быть таким формальным. А-Цзю и сестра Цао дружны, наши семьи теперь будут часто общаться. Зачем обращать внимание на такие мелочи?

Вэй Чао громко рассмеялся.

- Ты человек открытой души, но пусть это не отменяет правил. Что касается этого супа, я уж точно не оставлю тебя без угощения!

Вэй Чао говорил правду: в полдень он действительно пришел вместе с Цао Ашуан, неся банку куриного супа.

Цао Ашуан пришла, чтобы навестить Юй Цзюцюэ, и после короткой беседы с ним попрощалась, последовав за супругом. Цинь Ся из этого супа сварил Юй Цзюцюэ целую кастрюлю лапши, добавил два простых домашних блюда, а сам, перекусив с ними парой маньтоу, по настоянию Юй Цзюцюэ тоже съел несколько ложек супа.

Так, совершенно случайно, они вдвоем воспользовались одной ложкой. Хотя они считались супругами, на деле их близость ограничивалась лишь тем, что они однажды держались за руки. По современным меркам такой поступок уже считался дерзким и весьма интимным.

Юй Цзюцюэ покраснел, молча уткнулся в чашку и принялся пить суп, а Цинь Ся, прикрывая лицо, откусил от большого маньтоу. На столе лишь слегка слышались звуки палочек и посуды, что служили тонким прикрытием их смущенным чувствам.

□□——

С недавних пор Син Имин чувствовал горечь в душе.

Перепробовав все разнообразие еды в округе Цинань — от дорогих деликатесов до дешевых закусок, он наконец нашел подходящий прилавок с уличной едой. Но тот работал на странный лад: три дня рыбалки, два дня — сушить сети.

Спустя день он снова увидел Цинь Ся и буквально не хотел уходить с того самого прилавка. Говоря простыми словами, он хотел одного: открыть ресторан и пригласить Цинь Ся на работу главным поваром.

— Зарплату называй сам, сколько скажешь, столько и заплачу, — настаивал он.

Но Цинь Ся, не заботясь о тонких чувствах Син Имина, мгновенно отказал:

— Простите, босс Син, но я привык к свободе. Мне сложно работать на кого-то.

В прошлой жизни он дослужился до шеф-повара в пятизвездочном отеле, занимал престижное положение и зарабатывал прилично, но все равно чувствовал себя скованным.

После увольнения он открыл частный ресторан, работал по настроению: хотел — принимал гостей, не хотел — закрывал все, экспериментировал с блюдами дома или путешествовал, пробуя местные деликатесы. Лишь тогда он почувствовал вкус к жизни.

Работать по найму? Невозможно. Ни в прошлой жизни, ни в этой.

На все последующие уговоры Син Имина он лишь отвечал улыбкой. Наконец, после нескольких попыток, Син Имин догадался.

Приблизившись, он с улыбкой сказал:

— Понял, понял. Босс Цинь, кажется, уже давно планирует открыть свой собственный ресторан, не так ли?

Цинь Ся ловко разрезал крахмальную колбасу лопаткой на ровные кусочки, приподняв бровь.

— От вас ничего не скроешь, босс Син, — произнес он с легкой усмешкой.

Син Имин, глубокомысленно глядя на Цинь Ся, едва заметно кивнул с одобрением.

Такое мастерство, такая дальновидность, такой ум... Казалось очевидным, что в будущем в числе лучших ресторанов округа Цинань будет заведение, управляемое Цинем.

И внезапно он ощутил озарение.

— Хорошо. Жду того дня, когда ресторан босса Циня откроется. Обещаю быть вашим первым клиентом.

Хотя дело даже не начало воплощаться в жизнь, Син Имин с готовностью выразил свою поддержку. Это тронуло Цинь Ся, который быстро понял, как лучше отблагодарить такого постоянного гостя: достаточно было лишь продолжать удивлять его новыми блюдами.

Син Имин платил щедро и охотно, а также давал необычайно ценные и профессиональные отзывы, которых редко ожидали от обычных клиентов.

Для него Цинь Ся быстро приготовил большую порцию жареной лапши и жареного тофу, а затем передал это Юй Цзюцюэ, чтобы тот аккуратно упаковал заказ. Вдобавок он загадочно сообщил:

— Когда кузнец доделает новый заказ, через пару дней вы сможете попробовать «яичный бао».

Это блюдо, популярное в современности как «яичный бургер», Цинь Ся представил в Даяне как нечто новое. Поскольку он не мог объяснить, что означает слово «бургер», он упростил название, сократив его до «яичного бао».

И это неведомое «яичное бао» не давало покоя Син Имину два дня.

Кузнец, несмотря на дополнительную плату за срочность, все же задержал заказ на полтора дня. В тот вечер, закончив работу, Цинь Ся поспешил в кузницу за долгожданным предметом. Его взгляду предстал круглый металлический гриль с пятью углублениями в форме кружков, чуть меньших по диаметру, чем традиционные круглые лепешки, что продавались на рынке.

На первый взгляд форма нового гриля практически не отличалась от того, что Цинь Ся видел раньше.

Кузнец, вытирая пот со лба, сообщил:

— Еще один круглый гриль готовлю, понадобится несколько дней.

Помимо формы для яичных бургеров, Цинь Ся заказал также гладкий гриль для приготовления блинчиков с начинкой. Он планировал, что в будущем по утрам будет продавать только эти два блюда, а жареный тофу и жареную лапшу перенесет в меню обедов. Все потому, что многие жаловались, что эти блюда хоть и вкусны, но на завтрак не слишком сытны. К тому же, если оставить все в утреннем меню, с объемом работы не справятся даже два дополнительных помощника.

Такое решение, правда, означало сокращение закупок тофу у семьи Лю. И если честно, с добавлением новых блюд тонкая маржа от продажи тофу стала казаться совсем невыгодной. Приготовление этого блюда требовало немалых усилий, особенно из-за частых проблем с пригоранием.

Если бы тофу не закупалось у семьи Лю, Цинь Ся давно бы исключил это блюдо из меню.

Эти мысли так занимали его, что во время тестирования нового гриля дома он чуть не перепутал сахар с солью, добавляя ингредиенты в тесто.

К счастью, Юй Цзюцюэ заметил ошибку вовремя и успел остановить его.

— У мужа что-то на уме? — с улыбкой спросил он, меняя сахарницу на солонку и протягивая ее Цинь Ся.

Цинь Ся добавил в тесто немного соли и, помешивая его деревянной лопаткой, поделился своими сомнениями. Юй Цзюцюэ, который тем временем нарезал зеленый лук, задумался. Его навыки работы с ножом заметно улучшились, и он резал лук быстро и аккуратно.

Под ритмичные звуки «тук-тук-тук» от нарезки Юй Цзюцюэ, немного подумав, предложил:

— Если муж хочет продолжать поддерживать семью Лю и не возражает передать рецепт приготовления жареного тофу, почему бы не доверить это блюдо брату Лю? Пусть они займутся его приготовлением.

<http://bllate.org/book/13601/1206022>